

УДК 821.161.1

*О.Б. Заславский***НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК СТРУКТУРНОЕ СВОЙСТВО:
О ПРЕДИСЛОВИИ «ОТ ИЗДАТЕЛЯ» К «ПОВЕСТЯМ БЕЛКИНА»**

Показано, что одним из основных свойств структуры предисловия «От издателя» является неопределенность и (или) недоовоплощенность целого. Это проявляется в самых разных аспектах текста, включая внутренние логические противоречия, способ бытования имен в тексте, мотивы частичности и дробности. Недоовоплощенность свойственна и статусу ряда рассказчиков «Повестей Белкина» (подполковник как неполный полковник, девица как еще не состоявшаяся женщина). Подобное же свойство относится и к эпиграфу к «Повестям Белкина» в целом, в качестве которого взяты слова недоросля (неполноценного дворянина). Специально обсуждается смысл близких соответствий между предисловием и «Выстрелом». Показано, что в одних отношениях текст дает основания для отождествления Белкина и подполковника И.Л.П., тогда как в других – препятствует этому. Тем самым между неопределенностью образа Белкина и неопределенностью как свойством структуры предисловия оказывается близкая аналогия. Мы также указываем, что набор инициалов рассказчиков складывается в анаграмму фамилии фиктивного автора.

Ключевые слова: автор, рассказчик, структура текста, мотив отсутствия.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-794-804

О роли предисловия в проблеме Белкина

Вопросы о роли рассказчиков в структуре «Повестей Белкина», функции самого Белкина, их свойствах и соотношении между ними относятся к «вечным» вопросам в пушкиноведении. Один из основных вопросов касается наличия или отсутствия следов Белкина в самих повестях. Чаще всего, это рассматривается как проблема стиля, точки зрения и голоса, а упор в выяснении наличия или отсутствия Белкина в тексте делается на основные пять повестей. Предисловие же при этом явно или неявно подразумевается в качестве вспомогательного источника, позволяющего прояснить природу Белкина как потенциального или условного автора этих повестей¹.

Однако предисловие «От издателя» обладает самостоятельной структурой и 1) содержит еще одного рассказчика – ненарядовского помещика, 2) часть его текста имеет прямое соответствие в основном тексте повестей (а именно, в «Выстреле» [15. С. 146-148] – далее мы обсудим это подробнее), 3) текст предисловия во многом носит игровой характер, включая в том числе ряд логических противоречий. В результате статус самого Белкина становится, как увидим, весьма неоднозначным, а между предисловием и остальным текстом возникают логические и причинно-следственные связи. По этим причинам, функция Белкина, вопрос о его наличии или отсутствии в тексте отнюдь не ограничивается аспектами стиля. Не меньшую роль здесь играют как внутренняя структура самого предисловия, так и его соотношение с собственно повестями (прежде всего, это касается «Выстрела», сопоставлением с которым мы и ограничимся в данной работе).

Все это делает исследование данного предисловия задачей, представляющей особый интерес. Хотя такая задача и связана тесным образом с вопросом о статусе, Белкина, этим она не исчерпывается. Забегая несколько вперед, скажем, что основное свойство Белкина, как оно было сформулировано Бочаровым (неопределенность) [1. С. 146-147] находит прямую параллель в неопределенности, свойственной самой структуре текста этого предисловия².

¹ Объектом отдельного внимания предисловие было в работе Мейера [20, 1968], однако интересующая нас проблема неопределенности специально там не рассматривалась. Содержательный обзор литературы до 1974 г. можно найти в работе [1. С. 127-132]. Обзор ситуации с учетом последующих работ содержится в книге [17. С. 43-46]. В него не попала статья [5]. В ней упомянуты четыре вида рассказчиков, включая издателя А.П. и соседа Белкина. Однако специально роль предисловия в этой работе все же не рассматривалась.

² О том, что проблема неопределенности может не ограничиваться Белкиным, а затрагивать весь цикл, есть беглое упоминание в работе [17. С. 47].

Фактические и логические противоречия

Можно заметить, что в тексте предисловия «От издателя» содержится довольно заметное число противоречий и сомнительных с точки зрения логики мест. Некоторые из них уже отмечались в литературе, но должных выводов сделано не было. Скажем, как пишет ненародовский помещик, письмо «от 15-го сего месяца получить имел я честь 23 сего же месяца». Ответ же на это письмо подписан помещиком 16-м. Причем неслучайность числовых несоответствий подчеркнута тем, что числа 15 и 23 содержатся и в значимых датах биографии Белкина: он поступил на службу в 1815 г., а вышел в отставку в 1823 г. Есть и другие противоречия. Например, издатель вначале сообщает, что письмо приводится «безо всяких перемен и примечаний», однако затем делает примечания и опускает «анекдот», касающийся склонности Белкина к женскому полу. Эти два противоречия хорошо известны и отмечаются даже в Википедии в статье «Повести Белкина». В ней сказано, что «издательское слово написано с долей юмора», но этим объяснение и ограничивается.

Помимо прямых противоречий, есть в предисловии и целый ряд более тонких несоответствий. Текст начинается с сообщения, что сведениями о Белкине издатель хочет «отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности». Однако, в предисловии приводятся слова соседа Белкина: «Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности». С учетом этих сведений, неясно, откуда могло взяться любопытство со стороны любителей словесности, если эти произведения не были опубликованы и оставались для публики недоступными. Более того, неясно, каким образом вообще рукопись повестей могла оказаться у издателя³. Издатель А.П. заканчивает предисловие надеждой, что публика оценит именно «искренность и добродушие» сведений от ненародовского помещика, но не выражает надежд на то, что она ценит сами повести. Полное отсутствие положительного отзыва издателя о повестях Белкина делает непонятным его мотивацию – почему он вообще взялся хлопотать об их издании?

Помещик просит не упоминать его имя: «ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но в сие звание вступить полагаю излишним и в мои лета неприличным». Однако в своем письме этот ненародовский помещик ничего не сочинил и на сочинительство не претендовал. Наоборот, акцент сделан (как им самим в качестве автора воспоминаний, так и издателем) на достоверности приводимых сведений. Получается, что раскрытие достоверной информации об имени автора письма с достоверными сведениями почему-то включило бы его во множество авторов информации вымышленной.

Хотя в тексте упоминаются прочие, кроме повестей, сочинения Белкина, издатель никак это не комментирует и интереса к ним не выказывает, несмотря даже на «любопытство любителей отечественной словесности», которое он упоминает в самом начале.

Информацию о рассказчиках издатель характеризует ремаркой «Для любопытных изыскателей». Однако на самом деле практическая информация для них нулевая, так как данные (профессия или социальный статус и инициалы) носят слишком общий характер, идентифицировать по ним рассказчиков невозможно.

Об управлении крестьянами говорится, что Белкин сменил «исправного и расторопного старосту», однако тут же оказывается, что он поручил управление не новому старосте, а ключнице. А затем – что крестьяне выбрали подходящего им старосту. В результате сведения о смене системы и характера управления приобретают нечеткость.

Ослабление идентификации

То обстоятельство, что в название введено указание на Белкина как покойника, может рассматриваться как намек на несуществование данного автора как такового. То есть в данном контексте «покойный автор» = «несуществующий автор», тем более, что он и ранее для читателей не существовал. Этот же намек просматривается в выборе наименования – Иван Петрович: судя по таким стандартным имени и отчеству, личностный момент занулен. Это согласуется с тем обстоятельством, что, описание «Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волоса русые, нос прямой; лицом был бел и худощав» фактически нулевое в том смысле, что индивидуальных черт не сообщает.

³ Неправомысленная попытка найти реалистическое объяснение этому несоответствию даже заставила Дебрецени выдвинуть здесь экзотическое предположение о маразме издателя [3. С. 72].

Затушеван лично-авторский момент и в указании, что это – повести, изданные А.П. Мало того, что в дополнение к Белкину появляется издатель, так этот издатель к тому же дан лишь инициалами – как и другие рассказчики «Повестей Белкина». Это смазывает границу между автором и персонажами и означает, что А.П. – такой же полноправный персонаж художественного текста (а не просто знак реального автора – Пушкина), как и условные рассказчики повестей, например подполковник И.Л.П. или девица К.И.Т. В пользу этого говорит еще одно ослабление имени: когда помещик обращается к автору, вместо имени адресата в тексте приведены звездочки⁴. Ослабление имени свойственно и ненарадковскому помещику, который указал в письме: «никак имени моего не упоминать». В результате у него нет даже и такого условного наименования, как у издателя и информантов историй⁵. Показательно, что обычные имя, отчество и фамилия имеются только у того из информаторов (Графилиной), которая никакого отношения к Белкину не имеет: тем самым и ее имя функционально сходит на нет.

Невозможность выделить автора, смазывание разных повествователей и т.д. могут рассматриваться как частные случаи проявления общего явления – смазывания различных (даже противоположных по смыслу) дискретных единиц, потеря идентифицируемости. Так, например, ключница не может различить 25-и и 50-рублевые ассигнации. У Белкина (мужчины) стыдливость девическая, причем это касается как раз склонности к женскому полу.

Частичность и дробность

В тексте тем или иным образом проявляет себя такое свойство как раздробленность целого на части. Ненарадковский помещик сообщает: «Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом прошлую зимою все окна ее флигеля заклеены были первою частью романа, которого он не кончил». Тем самым массив рукописей разделен на два (собственно «Повести Белкина» и все остальное). При этом в явном виде употребляется слово «частью». «Потребы» же – «разные», т.е. они тоже раздроблены. Окна флигеля были обклеены не просто романом, а лишь его «частью», причем сам роман не окончен, т.е. представляет собой часть незавершенного целого. В двух предложениях подряд слово «частью» употреблено 3 раза, в том числе в разных частях речи. Но и издатель в 1-м же, а потому структурно выделенном предложении текста «От издателя» говорит, что хочет удовлетворить любопытству «отчасти»!

В письме помещика о «Повестях» сказано, что они, «как сказывал Иван Петрович, большею частью справедливы и слышаны им от разных особ». То есть эти повести не целиком справедливы, а всего лишь «большею частью». Что подрывает достоверность ссылок Белкина на информантов.

Неполноценность и отсутствие

Можно заметить, что статус особ, от которых Белкин слышал истории, носит двойственный, переходный и в некотором роде неполноценный характер. И.Л.П., рассказчик «Выстрела», – подполковник, т.е. неполный, неполноценный полковник. Рассказчик «Станционного смотрителя», – титулярный советник. Однако право на потомственное дворянство давал только следующий чин, так что титулярному советнику нужно было преодолеть соответствующую пропасть, чтобы попасть в «полноценную» часть Табели о рангах. Отец Белкина – секунд-майор. Однако этот чин с конца XVIII в. уже не жаловали. Белкин же родился как раз в конце XVIII в.⁶

Рассказчица «Метели» и «Барышни-крестьянки» – девица К.И.Т. Но девица – это состояние, предшествующее переходу в замужние женщины. Значимость такого подхода видна хотя бы из того, что это дублируется в сюжетах рассказанных ею произведений, где как раз речь идет о пути к браку. Формальным исключением в этом ряду на первый взгляд является приказчик, который рассказал «Гробовщика». Однако, хотя статус приказчика не содержит ничего переходного, это компенсируется тем, что сама профессия связана здесь как раз с переходом людей из этого мира в тот.

⁴ Замена имени звездочками встречается также в «Выстреле». См. об этом [8].

⁵ Другие соображения в пользу того, что А.П. – фиктивная фигура (некомпетентность издателя и атмосфера абсурда, которую усиливает этот персонаж), приведены в работе [17. С. 50].

⁶ Любопытно, что ситуация с пограничным персонажем проявляет себя на языке чинов и в «Гробовщике». См. [7. С. 104], где обсуждается статус Курилкина.

Эпиграф к Повестям взят из «Недоросля». Но недоросль – это молодой дворянин, не достигший совершеннолетия и не поступивший на государственную службу. То есть лиминальный и пока что неполноценный персонаж.

Сам автор – покойник, причем это обстоятельство указано в заглавии (в этом смысле печатание заглавия без указания на статус Белкина – искажение замысла Пушкина). То есть автор к моменту встречи читателя с произведением уже не существует. Однако при этом он обладает некоторой креативностью, становясь автором и впервые выходя в этом качестве к публике. Так что положение Белкина между жизнью и смертью также не вполне однозначно.

В тексте предисловия встречаются, помимо данных самого Белкина, только имена и фамилии родителей Белкина (которые уже сами покойники), а также его родственницы Трафилиной, которая, подчеркнем это еще раз, к самому Белкину отношения не имеет. То есть и здесь наименование ослаблено и связано со свойством неполноценности. Во 2-м предложении (т.е. в самом начале) содержится сразу несколько слов (признаков), связанных с неполноценностью: «ей невозможно было нам доставить никакого о нем известия, ибо покойник вовсе не был ей знаком». Причем все это относится к покойнику, т.е. не живущему. Помещик-информатор указывает на недостаток воображения. Название его села – Ненародово.

В тексте сказано, что следует анекдот, который выпущен издателем, и который ничего порочащего не представляет. Тем самым эффект отсутствия удвоен: оно проявляет себя и в том, что анекдот не помещен в текст, и в способе характеристики (по признаку отсутствия).

Мотив неполноценности проявляет себя и в бытовых деталях. Оброк крестьяне платили с недоимками. Причем об этом сказано в самом конце перечисления хозяйственных проблем, т.е. структурно выделенном месте.

От предисловия к тексту «Выстрела»: парадокс совпадения

Рассмотренные выше противоречия и сомнительные места были локализованы в самом предисловии «От издателя». Попытка выйти за рамки предисловия приводит, как сейчас увидим, к еще одному несоответствию, связанному с проблемой рассказчика. Особая роль здесь принадлежит «Выстрелу», поскольку тут есть прямая интерференция обоих текстов. А именно, существует близкое соответствие между сведениями, которые ненародовский помещик сообщает о Белкине, и сведениями, которые рассказчик «Выстрел» сообщает о себе. В обоих случаях автор (рассказчик) вынужден поселиться в бедной деревеньке, оставив привычную шумную жизнь. Деревенская скука скрашивается рассказами ключницы, пьянство как занятие отвергается и т.д. В обоих случаях так или иначе проявляется застенчивость рассказчика по отношению к женщинам (или о ней говорится).

Все эти соответствия бросаются в глаза, однако, как ни странно, до недавнего времени содержательных выводов по поводу проблемы рассказчика из них, по-видимому, сделано не было⁷. Они появились в работе Тюпы [15. С. 146-148], который предложил весьма радикальные следствия из этих совпадений и соответствий (см. ниже). Но прежде чем мы предложим здесь содержательные выводы, имеет смысл перебрать логически возможные варианты, которые могли бы объяснить указанные совпадения.

1) Белкин действительно узнал историю, рассказанную в «Выстреле», от подполковника И.Л.П., и добросовестно пересказывает ее. Соответственно, «я» относится там к И.Л.П. Но тогда получается, что указанные выше личные обстоятельства Белкина совпадают с личными обстоятельствами И. Л. П., что невероятно и абсурдно.

2) Белкин сочинил И.Л.П. как персонажа и приписал ему собственную историю. Этот вариант соответствует соображениям В. И. Тюпы «Совершенно очевидно, что по крайней мере в этом случае мнимый подполковник И.Л.П. (рассказчик истории) неотличим от Белкина (сочинителя повести), как бы проговаривающегося о своем сочинительстве: *Сильвио (так назову его)*...» [15. С. 146-148] – если не учитывать в этих соображениях оговорку про «этот случай», а применять их к «Выстрелу» в целом. Из них следует, что историю про Сильвио выдумал сам Белкин. Попробуем принять такую точку зрения и рассмотрим соответствующие следствия.

⁷ Их беглое обсуждение было проведено В. В. Виноградовым, который однако в этом отношении ограничился упоминанием аспектов стиля (сравнением белкинского стиля и рассказа подполковника) [2. С. 576]. Относительно недавно отмечалось, что «читатель "Выстрела" вполне может отметить сходство биографии подполковника И.Л.П. с уже известной из предисловия биографией Белкина» [С. 88], однако это обстоятельство не было там рассмотрено как сюжетный парадокс.

Тогда получается, что Белкин сочиняет историю про Сильвио, но при этом делает помету в рукописи, что эта история услышана им от подполковника И.Л.П. Как в таком варианте следует понимать это примечание Белкина, пересказанное А.П.? Оно из фактических сведений превращается в художественный элемент текста, представляющий мнимого автора истории (И.Л.П.) вместо «реального» (самого Белкина). То есть Белкин демонстрирует ту же игру с текстом, что и Пушкин как реальный автор произведения в целом. Не слишком ли такая игра является изощренной, особенно с учетом сведений о простоватом и вероятно литературно не искушенном Белкине? Против такого понимания свидетельствует и способ, которым сделана помета на рукописи (по сведениям от А.П.). Она (как и аналогичные примечания по отношению к другим повестям) расположена *над* повестью. Но такое расположение, краткость примечания и его однократность – это признаки пометы, сделанной для себя в черновом тексте, а не предназначенной читателю. В последнем случае они скорее оказались бы в подстрочном примечании – как это и сделал А.П. со сведениями о пометах. Поэтому расположение помет также свидетельствует против того, что Белкин передал свою историю вымышленному лицу. Соответственно, получается противоречие: одни свойства текста (совпадение сюжетных деталей) говорят в пользу того, что Белкин сочинил подполковника И.Л.П. (как это следует из рассуждений В.И. Тюпы), другие (характер рукописи) – против.

Возможен также промежуточный вариант 3): «Выстрел» представляет собой прихотливую смесь из сведений, которые Белкин узнал от И.Л.П., и биографии самого Белкина. Этот вариант получается, если сделать оговорку В.И. Тюпы про «этот случай» содержательной, предполагая, что в некоторых других случаях Белкин и И.Л.П. не совпадают. Но это была бы просто менее последовательная и ослабленная разновидность варианта 2), и с теми же трудностями. Против вариантов 2) и 3) косвенно свидетельствует также тот факт, что ничего подобного нет в других повестях, помимо «Выстрела».

Мы видим, что каждый из вариантов объяснения является противоречивым, неполным или вызывает сомнения. В частности, то, что В.И. Тюпа рассматривает как решение проблемы (отождествление Белкина и И.Л.П.), является, по нашему мнению, лишь одним из возможных вариантов объяснения, причем нарочито частичным: реальный автор намекает на него, но в то же время делает это таким образом, что само это объяснение оказывается ненадежным. Соответственно, неопределенности и неясности (следует ли подполковника И.Л.П. воспринимать как «реальное» лицо или продукт воображения Белкина) не рассеиваются, а статус Белкина остается противоречивым.

Белкин как автор

По-видимому, Пушкин добавил предисловие незадолго до отдачи рукописи в печать, когда сами повести уже были написаны⁸. Поэтому неудивительно, что стиль Белкина в самих повестях нигде не проявился. Но, подчеркнем это еще раз, *значимое* отсутствие его следов этим не исчерпывается. Проведем мысленный эксперимент: представим себе, что сведения о записях Белкина, от кого он слышал ту или иную историю, даны не как примечания к письму ненарадовского помещика, а в основном тексте от автора или издателя А.П. Тогда можно было бы поверить Белкину и Пушкину и считать, что каждая повесть основана на истории, которую рассказал тот или иной информант. Добавление «Предисловия» усложняет такую простую картину и ставит под вопрос реальность рассказчиков. Но и свести, скажем, рассказчика «Выстрела» к чистому продукту воображения Белкина было бы прямо противоположной крайностью. Самая соль «Предисловия» состоит, по нашему мнению, в том, что однозначное описание структуры рассказчиков оказывается невозможным, их положение между вымыслом и реальностью остается принципиально нелокализуемым.

Более того, неясным оказывается и статус самого Белкина – является ли он лицом реальным или фиктивным. Его функция – подчеркнуть условную конструкцию текста в целом, его принадлежность литературе, а не жизни. В этом и состоит цель предисловия: подорвать доверие к фигуре условного автора, дать явственный намек на сомнительность Белкина – автора как реального (пусть даже малоизвестного) лица. На первый план в предисловии выходят литература и литературность. Надо полагать, с этой точки зрения нужно оценивать и тот факт, что Пушкин писал Плетневу, что нельзя издавать «Повести» под именем реального автора. Вместе с тем, доверие к Белкину подрывается все же не полностью, и на противоположном полюсе оказывается другое явление, когда биографические следы Белкина просматриваются в самом тексте, как это происходит в «Выстреле». Так что присут-

⁸ Возможные оговорки и краткая история вопроса представлены в книге [17. С. 305-306].

стве Белкина в общей структуре «Повестей» проявляет себя не в стиле, а в значимой неопределенности его статуса как рассказчика.

Сделанные выше наблюдения позволяют, как нам представляется, прояснить некоторые дискуссионные моменты, связанные со статусом Белкина. В.И. Тюпа назвал безосновательной точку зрения С.Г. Бочарова: «Бочаровский тезис о «безголосости» Белкина, о его «невоплощенности» в слове, будто бы всегда принадлежащем рассказчику записанной им истории легко опровергается обращением к тексту второй главы «Выстрела»» [15. С. 146]. Однако позиция С. Г. Бочарова изложена здесь неточно. Он утверждал, что статус Белкина является неопределенным, и именно в этой неопределенности заключается художественный смысл [1]. Это – не то же самое, что вообще отказывать Белкину в воплощенности в слове. Приведенный выше анализ подчеркнутого В.И. Тюпой соответствия между предисловием «От издателя» и «Выстрелом» только подтверждает, по нашему мнению, точку зрения С.Г. Бочарова. При этом он ее существенно конкретизирует, так как сам С.Г. Бочаров данного соответствия не обсуждал. Что же касается интерпретации В.И. Тюпы, то, она, по нашему мнению, является чересчур прямолинейной и не учитывает ту самую неопределенность, о которой писал С.Г. Бочаров. И это при том, что ключевая роль предисловия как раз и состоит (подчеркнем это еще раз) в утверждении этой неопределенности.

Попутно, сказанное выше выявляет структурную новизну использованных Пушкиным «приемов» на предшествующем фоне. Как убедительно показал Д.П. Якубович [18], ситуация с Белкиным и, шире, системой рассказчиков, во многом воспроизводит систему, характерную для романов Вальтер Скотта (из серии «Рассказы трактирщика»), где построена система фиктивных рассказчиков, в которой «каждая ступень — новая ступень, заводящая в лабиринт мистификации в направлении – от автора» [18. С. 164]. Но дело в том, что у Пушкина работают оба направления сразу – не только *от* автора, но и *к* нему! Не только от реальности к тексту, но и от текста к реальности. Одно лишь помещение инициалов А. П. было достаточно ясным знаком. Впоследствии Пушкин опубликовал «Повести», включая предисловие, в издании «Повестей» 1834 г. под своим настоящим именем, оставив однако эти инициалы в предисловии – тем самым обыгрывая имя автора, потеряв какие бы то ни было прагматические аспекты, стало чисто художественным приемом, деавтоматизирующим структуру рассказчиков. Подобным же образом такое двойное отношение между текстом реальностью было воспроизведено и внутри самих «Повестей Белкина». Связь между предисловием и «Выстрелом» является, по нашему мнению, как раз примером такого рода, когда отношения между героем, рассказчиком и автором перепутываются, так что разделить и указать, что принадлежит подполковнику И.Л.П., а что – Белкину, становится невозможным (попытка же В.И. Тюпы, обсуждавшаяся выше, неправомерно разрушает этот гордиев узел)⁹.

⁹ В работе О.Г. Лазареску, специально посвященной функции предисловия в русской литературе XVIII – XIX века и оперирующей с богатым материалом, специально указано на новизну в рассматриваемом отношении «Повестей Белкина» по сравнению с романами Вальтер Скотта: «"Повести Белкина" Пушкина, с их предисловием "От издателя", конечно же, не повторяют В. Скотта, но впервые в русской литературе определенно заявляют о проблеме баланса рассказываемой истории и истории рассказывания, баланса разных видений в художественном мире: кто рассказчик истории, как он это видит, как может это увидеть читатель» [9. С. 180]. Однако, на наш взгляд, здесь не учтено главное: понятие баланса между разными элементами предполагает все же возможность их четкого выделения и разграничения. Именно это отсутствует в «Повестях» и является их отличительной чертой!

Вот конкретная характерная попытка в этом духе другого исследователя, на которого ссылается Лазареску [9. С. 184] и который пишет, что «провести точную грань между повествованием Белкина и повествованием девицы К.И.Т. ... невозможно, разумно предположить, что ей принадлежит сюжет, тогда как слог – за исключением явно сентиментальных фраз и пассажей – принадлежит Белкину» из работы [3. С. 102]. О самой невозможности провести указанную грань сказано верно, но столь однозначное разделение является, на наш взгляд, превышением точности.

В. Шмид отмечает, что «система точек зрения представлена у Пушкина лишь в зачаточном состоянии и немногим последовательнее, чем в циклах его предшественников [17. С. 60]». По нашему мнению, здесь исследователь оценивает эту проблему в старой системе понятий, приложимой к предшественникам (Шмид упоминает о В. Скотте и В. Ирвинге), но которая упускает из виду новаторство Пушкина. То, что на первый взгляд представляется неразработанностью и непоследовательностью, на самом деле, по нашему мнению, служит проявлением неопределенности как значимого структурного свойства.

У Вальтера Скотта система рассказчиков может быть достаточно сложной и многоступенчатой, но она фиксирована, и всегда можно указать, кто есть кто, и какую функцию выполняет. Вот это отличается у Пушкина: неопределенность накрывает саму эту систему в целом¹⁰.

Представляется уместным еще сравнить обсуждаемые свойства прозы Пушкина не только с предшествующей ему литературой, но и с литературой, которая оказалось по отношению к Пушкину в будущем. Подрывание статуса рассказчика – характерная черта литературы XX в., особенно ярко проявившаяся у Набокова. Для ее описания используется термин, характерный для англоязычного литературоведения, – «ненадежный повествователь» [10. С. 372; 4. С. 309], *unreliable narrator*¹¹. Не вдаваясь в сколь-нибудь подробное обсуждение поэтики Набокова и общетеоретические вопросы нарратологии, связанные с указанным понятием (что было бы здесь неуместным), все же отметим вкратце одну существенную черту обсуждаемого свойства. Сколь изощренными бы ни были игра с разными обликами повествователя, соотношением реального и воображаемого, истиной и ложью и т. д., все же «правильная» картина хотя бы в принципе может быть воссоздана. К примеру, в «Бледном огне» запутанная композиция произведения и ступенчатая система мистификаций со статусом рассказчика все же допускает однозначное (хотя и чрезвычайно разветвленное описание) [10. С. 374-376]. То же относится к соотношению персонажа и повествователя у Борхеса, зачастую очень нетривиальному – как, например, в рассказе «Очертание сабли». Здесь возможно однозначное и убедительное описание повествовательных уровней их динамики по ходу развертывания сюжета, что и продемонстрировано Ю.И. Левиным при помощи строгих формальных методов [10. С. 435-456]. Однако в случае «Повестей Белкина» весь этот изощренный инструментарий не может сработать, так как повествовательный статус объекта или субъекта (автор, фиктивный автор, рассказчик, персонаж...) принципиально не локализуем. Если позволить себе аналогию из физики, то здесь проявляет себя различие между очень нетривиальными эффектами в классической физике и физикой квантовой. В этом (как и во многих других) отношении Пушкин существенно опередил свое (и не только) время.

Зашифрованное имя

К проблеме двусмысленного авторства Белкина имеет отношение еще одно обстоятельство, на которое, насколько нам известно, никто не обратил внимания до сих пор. Дело в том, что инициалы информантов (А.Г.Н., И.Л.П., Б.В., К.И.Т.) представляют собой анаграмму наименования «авт. И.П. Блкин.», т.е. сокращенного наименования «автор И.П. Белкин». Все буквы из указанного выше сочетания реализованы в перечне, и без повторов. И в нем лишь «Г» из наименования титулярного советника остается «лишним». Можно отнести это к тому обстоятельству, что анаграмма практически никогда не бывает абсолютно полной. Причем в данном случае лишняя буква входит в авторское задание, препятствуя слишком простой разгадке. (По этой же причине фамилия Белкина дана здесь в со-

¹⁰ Представляло бы с рассматриваемой точки зрения проанализировать вопрос о «прототипах» героев «Повестей» (Ряд полезных ссылок на эту тему можно найти в работе [6].) Можно думать, что и здесь существенную роль сыграла свойство множественности, которое в значительной степени делает некорректным вопрос о выявлении «подлинных» прототипов и отбрасывание «ложных». Правда, данный вопрос относится уже не к литературоведению, а скорее к психологии творчества.

¹¹ Понятие ненадежного нарратора было введено в работе [19. Р. 211] и, по замечанию В. Шмида, остается «не вполне ясным» [17. С. 70] (там же приведено всего две ссылки на последующие работы об этом явлении). По нашему мнению, этот (объективно весьма сложный) вопрос лучше всего может быть прояснен не столько общими рассуждениями, сколько исследованиями на конкретном материале, примеры чего можно найти в процитированных выше работах Ю.И. Левина и А.А. Долинина. Они показывают, что одними лишь традиционными, «классическими» понятиями в изучении поэтики Набокова и Борхеса обойтись невозможно. Однако, как следует из сказанного нами выше, применительно к поэтике «Повестей Белкина» и это понятие оказывается недостаточным. Белкин «представляет собой такую художественную реальность, для определения которой у литературоведения как будто бы не хватает улавливателей» [1. С. 132]. Мы лишь надеемся, что наши замечания послужат их дальнейшему поиску.

Отметим также, что отождествление «ограниченного повествователя» с «наивным», ведущим рассказ от первого лица [16. С. 145], не вполне точно. Второе – лишь частный случай первого, а то и другое не включают в себя, например, случаи (встречающиеся в прозе Набокова), когда повествователь пытается лгать самому себе. У Пушкина ситуация еще более сложна, так как рассказчика и его точку зрения зачастую невозможно вообще определить однозначным образом. В качестве примера можно указать вступительную часть «Станционного смотрителя», где неясно, кому (А.Г.Н.? Белкину?) принадлежат сентенции о зрителях [16. С. 88].

кращенном варианте – без «е».) Альтернатива состоит в том, чтобы этот инициал рассматривать как первую букву слова «господин».

Выявление анаграммы, как обычно, связано с той или иной степенью произвола, однако для художественно значимых анаграмм эта степень все же ограничена. Существуют методы оценки ее достоверности, которые могут существенно варьироваться в зависимости от природы текста. Скажем, в поэтическом тексте достоверные анаграммы окружены словами-спутниками, по своему смыслу они сами могут указывать на процесс анаграммирования, создавая структурное дублирование и т. д. [11]. О необходимости всерьез относиться к анаграммам в прозе Пушкина следует, например, из находки О. Ронена (причем она относится как раз к «Повестям Белкина»), где он обнаружил зашифрованное имя автора (в том случае реального) в начале «Выстрела» – «пунш и карты» [14].

В обсуждаемом нами контексте анаграммирование само себе семантически нагружено: это – еще один способ подчеркнуть, актуализовать проблему авторства как таковую. Причем, такой способ представления имени «автора» в тексте связан как раз с проблемой неопределенного авторства. С одной стороны, речь идет об историях, которые Белкин от кого-то услышал. С другой стороны, выявляется еще один намек, что он их выдумал сам, коль скоро позволил себе такую игру с их инициалами. Но тот факт, что имя подверглось разбиению на отдельные буквы, а потом сложилось в новом порядке, намекает на фиктивность и этого автора, из-за спины которого проглядывает автор реальный. Он играет именем условного автора, подчеркивая свою «власть» над персонажем. Одновременно, подрывается однозначная принадлежность рассказчиков к реальной действительности: они оказываются лишь фиктивными производными от имени автора, который, впрочем, сам является фиктивным.

От неопределенности образа Белкина к структурной неопределенности

Выше, при критическом обсуждении концепции В.И. Тюпы, мы не раз ссылались на концепцию С.Г. Бочарова. Речь шла в основном об интерпретации соответствий между предисловием и «Выстрелом». Теперь, отвлекаясь от этого конкретного вопроса, можно сопоставить наши соображения в целом с подходом С.Г. Бочарова. Он сделал акцент на статусе самого образа Белкина. Приведем пару характерных цитат: «Иван Петрович Белкин, «автор» повестей – это действительно колебание между призраком и лицом [1. С. 132], «Здесь сообщается информация об Иване Петровиче Белкине (биография, характер, портрет), дающая некоторую человеческую определенность, однако очень «некоторую», очень неопределенную. Разгадать художественную проблему Белкина и значит, очевидно, установить эту меру определенности – или меру неопределенности – образа Белкина. Но композиционные приемы предисловия специально направлены на то, чтобы сделать эту задачу трудноразрешимой и любую определенность – сомнительной» [1. С. 140].

Не отрицая сказанного С.Г. Бочаровым, мы полагаем, что проблема неопределенности все же не сводится к собственно образу Белкина, а функция композиционных приемов предисловия в этом отношении существенно шире. Как показано выше, такая неопределенность проявляет себя и в аспектах, с самим Белкиным напрямую никак не связанными. Например, это касается путаницы с датами, мотивами неполноценности, отсутствия, отрицания и т. д. В большинстве приведенных выше примеров этого рода Белкин не фигурирует вообще. Неопределенность приобретает онтологический статус и затрагивает самые основы мира «Повестей»¹². Поэтому блестящий анализ С.Г. Бочарова в основном затрагивает хоть и важный аспект неопределенности, свойственной этому миру (и предисловию особенно), но далеко не исчерпывает этот аспект. Более того, неопределенность, захватывая и свойства Белкина как фиктивного автора (и одновременно персонажа) с одной стороны, и свойства мира произведения в целом, с другой (иконическим образом они воспроизводятся в свойствах текста предисловия), устанавливает соответствие между одним и другим, тем самым утверждая свою универсальность.

Более того, свойство неопределенности захватывает и самого «издателя» А.П. Ранее, В. Шмид писал о нарочитой некомпетентности этого «издателя» и создании с его помощью атмосферы абсурда [17. С. 90]. (К этому можно прибавить еще наблюдения, сделанные нами во 2-м разделе выше.) Это препятствует отождествлению с реальным автором и даже не позволяет считать А. П. его иронической маской, о чем справедливо пишет В. Шмид (там же). Однако, в отличие В. Шмида, мы полагаем,

¹² Мы в данной работе сконцентрировались на особенностях Предисловия. Между тем, неопределенность имеет в «Повестях» и другие проявления. Например, «Повествующее "я" в пяти белкинских текстах не обладает самоидентичностью. Иначе говоря, каждый раз оно может относиться к разным субъектам, притом даже в пределах одной повести» [16. С. 87].

что все же здесь абсурдность, связанная с «издателем» А.П., не разрушает связь с реальным автором полностью (иначе зачем бы Пушкин вставил свои реальные инициалы?), а скорее ее делает ее нарочито неопределенной. Именно невозможность как отождествления, так и полного отрицания такой связи становится источником художественного смысла.

М. Дрозда справедливо указывает на «неопределенность "авторства" отдельных высказываний, смешение повествовательных субъектов» [5. С. 264] (правда, применительно к примеру из «Станционного зрителя»). Что же касается предисловия, здесь он не вполне последователен, когда пишет: «"издателю" явно принадлежит предисловие (содержащее письмо соседа Белкина) и эпиграфы, предпосланные циклу в целом и отдельным повестям» [5. С. 264]. Критическое замечание В. Шмида «Столь умеренно компетентному издателю едва ли можно было бы приписать и набор многозначных эпиграфов» [17. С. 90] представляется нам верным. Однако мы хотим подчеркнуть более фундаментальное обстоятельство: дело не только в недостаточной компетентности издателя, но и в самой противоречивости такой фигуры, что вообще подрывает ее онтологический статус – то ли А.П. существует, то ли нет, а если все-таки существует, то неясно в каком качестве. Автор, издатель и персонаж слились здесь в нерасторжимое единство, причем реальное и фиктивное в нем неразделимы.

Заключение

Если рассматривать каждую из повестей Белкина по отдельности, то в них обнаруживается тщательное и внутренне связанное, самосогласованное повествование. Степень его связности такова, что это позволяет автору опускать ряд сюжетных звеньев. Они восстанавливаются (реконструируются) согласно общей логике сюжета и ряду деталей, которые не выпячиваются автором и рассчитаны на внимательного и сообразительного читателя (пример – возможность восстановления внутренней хронологии «Выстрела» [13. С. 409]). Восстановление (даже предположительное) деталей, не данных в тексте эксплицитно, возможно исключительно при условии полной последовательности и непротиворечивости цепочки событий, которая предполагается текстом¹³.

Однако, как мы видим, в «Повестях Белкина» противоречия присутствуют, просто они проявляют себя на ином структурном уровне, чем сюжет той или иной конкретной повести. Так, чрезвычайно противоречивым является статус рассказчика. Тем самым, в «Повестях Белкина» действуют два противоположных и взаимно дополнительных структурных принципа. Сюжету каждой из повестей свойственна полная последовательность и внутренняя согласованность. Статусу же рассказчика, как это вытекает из Предисловия, свойственна полная противоречивость. Ее функция – подчеркнуть сделанность, литературный характер произведения, бросить вызов реализму.

Одним из характерных свойств «Повестей Белкина», существенно усложняющих ее структуру, является целая цепочка рассказчиков: реальный автор А.С. Пушкин → издатель А.П. → ненарадковский помещик → Белкин → информант повести. Мало того, что в «Повестях» присутствует такая многослойность, – оказывается, что еще и каждый слой (по крайней мере в том, что касается «Выстрела», с учетом соотношения с Предисловием) обладает не вполне ясным статусом. Причем цепочка устроена таким образом, что увеличение достоверности в одном звене тут же подрывает ее в каком-то другом¹⁴. Такой подрыв статуса стал возможен исключительно благодаря предисловию «От издателя».

Как известно, прозе Пушкина присуща высокая степень диалектичности, что иногда сказывается и на модальности изображаемых событий, которая перестает быть однозначной. Например, в «Пиковой даме» существует равновесие между возможностью реалистического объяснения ряда событий и фантастикой. Колебания статуса рассказчиков в «Повестях Белкина» можно считать другим примером неоднозначности в способе воплощения художественного мира.

Рассмотренные в данной работе свойства предисловия могут считаться прообразом соответствующих свойств прозы XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974.
2. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: ОГИЗ. 1941.

¹³ Крайним выражением таких общих особенностей поэтики Пушкина является «скрытый сюжет» [см., напр., 12].

¹⁴ Например, бытовые сведения о подробностях жизни рассказчика в «Выстреле» приобретают двусмысленный статус при сопоставлении с предисловием.

3. Дебрецени П. Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина. Спб., 1996.
4. Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина. Спб, 2004.
5. Дрозда М. Нарративные маски в "Повестях Белкина". Wiener Slawistischer Almanach. 1981. Bd. 8. S. 261–268.
6. Елиферова М.В. «Повести Белкина» в контексте раннего восприятия Шекспира в России: 1790–1830: дис. ... канд. филол. наук М., 2007.
7. Заславский О.Б. Скрытые приемы воплощения темы в "Гробовщике". Russian Literature XLIII. 1998.
8. Заславский О.Б. О пушкинском "Выстреле": отсутствие как элемент структуры // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 58.
9. Лазареску О.Г. Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.): дис. ... докт. филол. наук. М., 2008.
10. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998.
11. Лотман М.Ю. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте // Труды по знаковым системам. Т. 11, Тарту 1979. С. 98-119.
12. Пеньковский А.Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 2003.
13. Пушкин А.С. Собрание соч. в 5 т. Т 4. СПб.: Библиополис, 1994.
14. Ронен О. «М/Ж». Об оглавлении «Капитанской дочки» [Электронный ресурс] // Звезда. 2004. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/7/ronen17.html> (дата обращения: 03.04.2019).
15. Тюпа В.И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт. 2001.
16. Смирнова Н.Н. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
17. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. Спб: Изд-во Спб университета. 1996.
18. Якубович Д. Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта. // Пушкин в мировой литературе. Гос. Издательство. Ленинград. 1926. С. 160 – 187.
19. Booth W. C. The Rhetoric of Fiction. Chicago, 1961.
20. Meijer J.M. The Sixth Tale of Belkin. // The Tales of Belkin by A.S. Puskin. The Hague-Paris: Mouton, 1968.

Поступила в редакцию 19.04.2019

Заславский Олег Борисович, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
61022, Украина, г. Харьков, пл. Свободы, 4
E-mail: zaslav@ukr.net

O.B. Zaslavskiy

UNCERTAINTY AS A STRUCTURAL PROPERTY: ON THE FOREWORD "FROM THE EDITOR" TO "TALES OF BELKIN"

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-794-804

It is shown that one of the main structural properties of the foreword "From the Editor" is uncertainty and/or incomplete embodiment of entity as a whole. This reveals itself on different levels of text including inner logical contradictions, the way names are presented in the text, motifs of partial or fractional realization. This is also inherent to narrators of "Tales of Belkin" (lieutenant-colonel as incomplete colonel, girl as an incomplete woman). The similar property manifests itself in the epigraph to "Tales of Belkin" that consists of words of minor (inferior noble). We dwell upon close correspondences between this foreword and "The Shot". It is shown that in some aspects the text gives grounds for identification of Belkin with a lieutenant-colonel I.L.P.) whereas in some others it creates obstacles to this. Thus there is a close analogy between uncertainty of the Belkin's image and uncertainty as a structural property of the foreword. We also pointed out that the set of initials of narrators is an anagram of the surname of a fictitious author.

Keywords: author, narrator, structure of text, motif of absence.

REFERENCES

1. Bocharov S.G. Poetika Pushkina. Oчерki. [Pushkin's poetics. Essays.] Moscow: Nauka, 1974. (In Russian)
2. Debreceeni P. Bludnaja doch'. Analiz hudozhestvennoj prozy Pushkina. [Prodigal daughter. Analysis of artistic prose of Pushkin]. Spb., 1996. (In Russian)
3. Drozda M. Narrativnye maski v "Povestyakh Belkina". [Narrative masks in "The Tales of Belkin"] Wiener Slawistischer Almanach. 1981. Bd. 8. S. 261-268. (In Russian)

4. Eliferova M.V. "Povesti Belkina" v kontekste rannego vospriyatija Shekspira v Rossii: 1790–1830. ["The Tales of Belkin in the context of early perception of Shakespeare. Ph.D.Thesis.] Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk M., 2007. (In Russian)
5. Jakubovich D. Predislovie k «Povestjam Belkina» i povestvovatel'nye priemy Val'ter Skotta. // Pushkin v mirovoj literature. [Foreword to "The Tales of Belkin" and narrative devices of Walter Scott] Gos. Izdatel'stvo. Leningrad. 1926. S. 160-187. (In Russian)
6. Lazaresku O.G. Literaturnoe predislovie: voprosy istorii i pojetiki (na materiale russkoj literatury XVIII-XIX vv.). [Literary foreword: problems of history and poetics. Ph.D.Thesis.] Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. M., 2008. (In Russian)
7. Levin Ju.I. Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika. [Collected works. Poetics. Semiotics.] Moscow: "Jazyki russkoj kul'tury". 1998. (In Russian)
8. Lotman M. Ju. O sootnoshenii zvukovyh i smyslovyh zhestov v pojeticheskom tekste. Trudy po znakovym sistemam, [On the correlation of phonetic and semantic gestures in poetic language. Sign systems studies.] t. 11, Tartu 1979. S. 98-119. (In Russian)
9. Meijer J.M. The Sixth Tale of Belkin. // The Tales of Belkin by A.S. Puskin. The Hague-Paris: Mouton, 1968. (In English)
10. Pen'kovskiy A. B. Nina: Kul'turnyy mif zolotogo veka russkoj literatury v lingvisticheskom osveshchenii. [Nina. Cultural myth of Golden age of Russian Literature in linguistic treatment] Moscow: Indrik, 2003. (In Russian)
11. Pushkin A.S. Sobranie soch. v 5 t. T 4. [Collection of works in 5 volumes. Vol. 4] Spb.: Bibliopolis, 1994. (In Russ.)
12. Ronen O. (2004). "M/Zh". Ob oglavlenii "Kapitanskoy dochki" ["M/Zh". On the contents of "Captain daughter"] Zvezda, № 7. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/7/ronen17.html> (date of access: 03.04.2019). (In Russian)
13. Smirnova N.N. Izobrazhaemoe i rasskazyvanie v proze Pushkina. «Povesti Belkina». Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. [Depicted and told in Pushkin's prose. Ph. D. Thesis.] Moscow., 1999. (In Russian)
14. Tyupa V.I. Analitika khudozhestvennogo (Vvedenie v literaturovedcheskiy analiz). [Analytic approach to the artistic merit] Moscow: Labirint. 2001. (In Russian)
15. Shmid V. Proza Pushkina v poeticheskom prochtenii. [Pushkin's prose in poetic reading.] Spb: Izd-vo Spb universiteta. 1996. (In Russian)
16. Vinogradov V.V. Stil' Pushkina. [Pushkin's style] Moscow: OGIZ. 1941. (In Russian)
17. Zaslavskiy O.B. Skrytye priemy voploshcheniya temy v "Grobovshchike". [Hidden devices in realization of subject in "Coffin-maker"] Russian Literature XLIII. 1998. (In Russian)
18. Zaslavskiy O.B. O pushkinskom "Vystrele": otsutstvie kak element struktury. [On "The Shot" by Pushkin" absence as an element of structure.] Toronto Slavic Quarterly 2016, № 58. (In Russian)

Received 19.04.2019

Zaslavskiy O.B., Doctor of Physics and Mathematics, Senior Scientific Fellow
Kharkiv V.N. Karazin National University
Svobody Square 4, Kharkiv, Ukraine, 61022
E-mail: zaslav@ukr.net